
Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

Кариатида

Тебя обманули: карниз не рухнет,
Если совсем опустить руки.
Это общеизвестные трюки,
Странно, как ты не знала.

Права всех женщин защищены,
Грехи ваших воинов прощены,
А ты убажашь взор прощелыг,
Шныряющих вдоль канала.

Привязанность к стенам – ещё не страх,
Бросай этот чёртов балкон, сестра,
Наш поезд на Фивы в восемь утра,
Дай руку скорее, дай же.

Чем гнить, мостовую взглядом сверля,
Уж лучше как те, на носу корабля.
Покуда ещё нас носит земля,
Пусть носит как можно дальше.

Чупакабра

Было время, быка за рога брал,
Ныне вилку и ту уроню –
Это снова идёт чупакабра
К моему поживиться огню.

То под окнами тоненько воеет,
Слышен мне одному на селе,
То, манеры дурные усвоив,
Заявляется навеселе

И поёт чупакабрины песни,
И щекочет клыком, а к утру
Убегает обратно, хоть тресни,
Оставляя бескровный мой труп.

Не встречай у калитки, Маруся,
И с порога ухватом гони,
Если без чупакабры вернусь я,
А тем более, ежели с ним.

У него сто имён и сто братьев,
Но не спрятаться боле ему.
Я и так слишком много потратил
Дроби на истребление мух...

Поле в маках. А где-то за кадром
В полосатой пижаме дождя
Я иду по следам чупакабры,
По возможности тоже следя.

Дерево

Зато я раскидист, хотя непокладист,
Солдат терпеливых воинств.
Ни свежесть травы, ни цветочная сладость
Не в списке моих достоинств.

От певчих и ловчих и прочих знакомых
В густую листву запаян.
Пуškai под корой и не без насекомых,
Есть польза – не засыпаю.

И жить бы, но искры торопятся к чаще.
Считаю в уме до тыщи.
А сумрачный грай, у верхушки звучащий,
Доходит до корневища.

Я жду, как Троя отплывших данаев.
Мы оба во власти ветра.
Всегда есть окольная, обходная,
Но я узнаю твой каблук, родная,
По хрусту собственных веток...

Когда здравый смысл в окошке светает,
Выталкивай через дверь его
И дуй что есть сил, простота святая,
И всхлипывай: «Вот ты ... !»

Голова Людовика XVI

Пятница. Возбуждён люд деловой.
Катится голова по мостовой.
Прячется возле причала в траве.
Кажется, что-то кричат голове.

Вставшие позавчера с колен
Лодочник Пьер и сестра Элен,
Булочник Оливье и врач Анри
Говорят голове: «Умри!»

Понимает свою вину голова,
Что не любит свою страну голова.
Били вшестером,
А портной Жером
Ей на лоб приколосл
Триколор...

Смоются слёзы гнева и яд статей.
Молятся перед сном, растят детей.
Катится голова по мостовой.
Кажется, что-то не так с головой.

В жару

Когда досугу мысль бессильная не рада
(О, мысль моя тюленья),
Приди ж, гроза! вечерняя награда
За муки дневного томленья.
Отсыпь, как манны, не считая, града
Нам, иссушённым, искушённым
Пустынным знанием причин,
Отправь с небес раскатистых повестку.
Пусть ветер разыгравшийся рычит,
Как парус, раздувая занавеску...

А мне такой-то разговор и ласков.
Забывая о пустом,
Прилипчивые дни, часы сухие
Мой внутренний тюлень отринет ластом,
И двинется, и возмутит стихию,
Постылый берег оттолкнув хвостом.

Овидий

Всё не привыкну к здешним зимам,
Мехам, повозкам, магазинам,
Бурливым, точно Понт,
Витринным улицам звериным
Без арок и ротонд.

Когда приступит жар элегий
Под стук нагруженной телеги
За сказочным окном,
Где вы, парнасские коллеги,
С беседой и вином!

Я швед, оставленный в Полтаве,
Последний турок на заставе
Средь русской саранчи.
Да что! Божественный Октавий!..
Две тыщи лет молчит...

Мне позволения не надо.
Медноволосые менады,
Дарите славу дню.
Несите бережно пенаты,
А прочее – огню!

В какую сторону отсюда милый Рим?
Недосягаем и неповторим...